

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ОТЧЕТ О ПЯТЬСОТ ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТОМ
ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ,

состоявшемся во Дворце Наций в Женеве в четверг,
19 июля 1990 года, в 10 час. 00 мин.

Председатель: г-н Богумил Суйка (Польша)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (перевод с английского): 566-е пленарное заседание Конференции по разоружению объявляется открытым.

В соответствии со своей программой работы сегодня Конференция продолжает рассмотрение пункта 4 "Химическое оружие". Однако согласно правилу 30 Правил процедуры при желании любой член может затронуть любой вопрос, имеющий отношение к работе Конференции.

Сегодня у меня в списке ораторов значатся представители Швеции, Мексики и Аргентины.

Сейчас я представляю слово представителю Швеции послу Хильтениусу.

Г-н ХИЛЬТЕНИУС (Швеция) (перевод с английского): Прежде всего позвольте мне, г-н Председатель, поздравить Вас со вступлением на пост Председателя Конференции. В этом месяце нам уже удалось одержать крупный успех: принять решение о создании специального комитета по запрещению ядерных испытаний. Я уверен, что под Вашим руководством, которое отличают присущие Вам опыт, тактичность и чувство юмора, мы продолжим свою работу и добьемся прогресса. Мне хотелось бы также выразить послу де Риверо признательность моей делегации за искусное руководство нашей работой в июне.

Происшедшие за последний год стремительные политические изменения и прогресс, достигнутый на двусторонних переговорах по разоружению между Соединенными Штатами и Советским Союзом, вселили надежды на появление новых возможностей в многосторонней области. Но вместе с тем широкое беспокойство вызывает медлительный характер эволюции, и особенно на данной Конференции, которая являет собой форум, представляющий широкие круги международного сообщества. Поэтому не удивительно, что мы ощущаем острую потребность в рассмотрении возможностей повышения эффективности Конференции.

Как уже неоднократно отмечалось, если Конференция по разоружению не сможет продемонстрировать прогресс уже в ближайшем будущем, то будет поставлено под вопрос само ее существование. Но меня беспокоит не это, меня беспокоит судьба стоящих перед нами проблем. У нас нет никакого другого многостороннего форума, который мог бы вести переговоры по нужным нам договорам. В прошлом Конференция по разоружению уже показала, что она способна делать это. И нет причин для того, чтобы она не вела плодотворных переговоров и в будущем, когда необходимость в многосторонних решениях станет еще более значительной. Конференция по разоружению является необходимой и будет таковой и впредь.

Политическую волю к достижению конкретных соглашений нужно демонстрировать за столом переговоров, а не только в общеполитических заявлениях на различных международных конференциях. Право принятия решений, конечно, принадлежит столицам, но ряд задач мы можем решить здесь, с тем чтобы облегчить достижение прогресса и развертывание соответствующего процесса с формированием необходимой политической воли правительств.

(Г-н Хильтениус, Швеция)

Посол Пакистана Камаль проводит серию консультаций открытого состава по вопросу об улучшении и повышении эффективности функционирования Конференции по разоружению. Эти консультации являются очень актуальным делом, ибо они сосредоточены на вопросе о том, как должна перестраиваться Конференция по разоружению, с тем чтобы идти вровень с быстрыми изменениями международного политического климата. Конференция создавалась на основе иной политической ситуации, чем та, что мы имеем сегодня. Ясно, что накопленный с годами опыт и изменяющееся международное положение должны оказать влияние на способ функционирования Конференции по разоружению.

Начатые сейчас консультации проходят на фоне важной деятельности Группы семи наших опытных коллег. Она занимается такими фундаментальными вопросами, как состав пунктов нашей повестки дня, функции вспомогательных органов, периоды работы и т.д.

Моя делегация будет и впредь принимать активное участие в диалоге, столь активно развиваемом Председателем консультаций открытого состава. Однако пользуясь возможностью, я хотел бы также сделать несколько официальных замечаний по этим важным вопросам.

Прежде всего я хотел бы коснуться вопроса о повестке дня Конференции по разоружению. Не предвосхищая результатов консультаций открытого состава, хотелось бы отметить, что сейчас делегации, по-видимому, готовы подумать о новых потенциальных пунктах нашей повестки дня. И в то же время делегации, похоже, не желают исключения из повестки дня существующих пунктов.

Моя делегация рассматривает большинство пунктов нашей повестки дня в качестве приоритетных проблем, ибо они посвящены мерам разоружения в связи с оружием массового уничтожения. Правда, уже не один год отмечается очень мало достижений по некоторым из этих проблем. Однако отмахнуться от них значило бы поддаться пораженческим настроениям. В некоторых случаях одна из причин такого отсутствия прогресса, быть может, состоит в том, что они просто-напросто еще не созрели для их достаточно конструктивного рассмотрения. Сегодня, когда отношения в области международной безопасности выходят на иной уровень и происходит, как хотелось бы надеяться, отказ от опоры на ядерное оружие, в эти вопросы, вероятно, можно было бы вдохнуть новую жизнь. А тогда можно будет, например, добиться прогресса по вопросу о негативных гарантиях безопасности.

Ядерные проблемы нашей нынешней повестки дня получают очень мало внимания в контексте систематизированной деятельности. Но сейчас проблема запрещения ядерных испытаний будет рассматриваться в Специальном комитете, для чего она более чем созрела уже много лет назад. Шведская делегация приветствует это позитивное веяние. Запрещение ядерных испытаний недвусмысленно продемонстрировало бы политическую волю государств, обладающих ядерным оружием, в отношении прекращения неуклонного качественного совершенствования ядерных вооружений. Кроме того, оно внесло бы крупный вклад в усилия по предотвращению горизонтального распространения ядерного оружия. Никто не может поставить под сомнение тот факт, что запрещение ядерных испытаний способствовало бы прекращению гонки ядерных вооружений и достижению ядерного разоружения. Исключительно важный вклад в ядерное разоружение внес бы договор о всеобъемлющем запрещении испытаний.

(Г-н Хильтениус, Швеция)

Запрещение ядерных испытаний имеет большое значение для пункта 2 повестки дня "Преращение гонки ядерных вооружений и ядерное разоружение". Были определены и другие меры, в частности в связи с неофициальными пленарными заседаниями, которые проходят в этом году. В некоторых случаях аналогичные или идентичные меры не лишены смысла и в контексте предотвращения ядерной войны, а также в связи с пунктом 3 нашей повестки дня. Моя делегация не возражала бы против слияния пунктов 2 и 3. Важно выработать более систематизированный подход к этим вопросам, чем это имело место до сих пор. Были рассмотрены различные идеи, которые секретариату было бы целесообразно систематизировать в виде сводного документа.

Швеция, например, в рамках только что упомянутых двух "ядерных" пунктов поднимала вопрос о военно-морском ядерном разоружении и о военно-морских мерах укрепления доверия. Но мы, конечно, предпочли бы, чтобы эти вопросы рассматривались в качестве отдельного пункта повестки дня. Это позволило бы более целенаправленно заняться конкретными мерами, имеющими отношение к ядерному разоружению и мерам укрепления доверия в военно-морской сфере.

Разумеется, моя делегация готова позитивно рассмотреть и другие предложения относительно новых пунктов повестки дня. Кое-какие соображения уже были изложены в ходе неофициальных консультаций.

Что касается практических методов работы Конференции, то моя делегация высказывается за новые решения, которые позволили бы укрепить текущие переговоры. Поэтому мы поддерживаем предложение о том, чтобы с будущего года проводить не две сессии Конференции, как сейчас, а три. Это не только даст всем нам возможность иметь в течение года хоть один короткий перерыв, но и прежде всего даст всем делегациям время для осмысления текущей работы и, в случае необходимости, для получения инструкций через более частые интервалы.

Шведская делегация выступает также за сокращение числа пленарных заседаний Конференции. Кроме того, мы сомневаемся в целесообразности указания конкретных тем для пленарных заседаний. Время от времени делегации могут пожелать сделать комплексные заявления или затронуть сразу несколько вопросов. Это особо относится к выступлениям приезжих государственных деятелей или представителей правительств. Такие выступления являются отрадным явлением и не должны встречать препятствий в виде жесткой программы работы.

Иначе обстоит дело со вспомогательными органами. В тех случаях, когда проводятся полномасштабные переговоры, есть все основания для продолжения работы в течение всей сессии. Если же работа по тому или иному пункту отличается низкой активностью, было бы целесообразнее ограничить работу ограниченным числом комитетских заседаний в рамках определенного периода. Было бы также легче доставлять соответствующих экспертов в Женеву, если им нужно будет заседать лишь в течение пары недель.

Конференции нужно отказаться от затяжных консультаций по вопросу о создании специальных комитетов, что в некоторых случаях уже, по-видимому, вошло в норму и мешает нам избрать более решительный подход к вопросам существа. Нам нужно найти формулу, которая позволила бы обеспечить определенный автоматизм в продолжении работы уже созданных специальных комитетов и вместе с тем допускала бы потенциальное улучшение их мандатов. Я, конечно, осознаю деликатность этого вопроса.

(Г-н Хильтешиус, Швеция)

Мандаты можно было бы, по-видимому, излагать в более общих и стандартизированных формулировках, чем это делалось до сих пор. Как показывает опыт, формулировки отнюдь не обязательно играют решающую роль. При наличии воли к достижению согласия по тому или иному вопросу переговорный процесс мог бы развертываться в соответствующем специальном комитете. С другой стороны, если такая воля отсутствует, то наличие или отсутствие у комитета "переговорного мандата" не имеет особого значения.

Это очень сложный вопрос, поскольку нет консенсуса в отношении некоторых задач, которые должны быть поручены Конференции. Следует, однако, иметь в виду, что Конференция по разоружению является переговорным органом и не надо мешать ей в выполнении ее обязанностей. Но она и не должна брать на себя роль Комиссии по разоружению Организации Объединенных Наций в качестве дискуссионного форума.

Одним из вопросов, по которому мнения явно расходятся, является процесс принятия решений на Конференции. Конечно, мы не можем уйти от тех политических реальностей, которые имеют место за пределами данного конференц-зала. И поэтому было бы, пожалуй, непродуктивно предпринимать какие-то серьезные переговоры без согласия соответствующих государств. Тем не менее та или иная делегация может заявить, что она не будет препятствовать достижению консенсуса относительно создания того или иного специального комитета. Такая делегация все же будетвольна принимать участие в конкретной работе по этому вопросу тогда, когда она сочтет это целесообразным. Такое применение правила консенсуса способствовало бы достижению прогресса по некоторым важным пунктам повестки дня.

Моя делегация хотела бы отметить полезный вклад в работу Конференции, который вносили и вносят государства-не члены. Такое участие следует как можно больше поощрять и облегчать, и не в последнюю очередь исходя из расширения перспектив универсального присоединения к тем соглашениям, которые являются предметом переговоров в рамках Конференции. В этой же связи нам нужно посвящать свое время и усилия стоящим перед нами вопросам существа, а не терять время на периодическое рассмотрение ходатайств государств-не членов. Нужно удовлетворять автоматически хотя бы те ходатайства об участии в работе Конференции по разоружению в качестве не членов, которые исходят от государств и правительств, принимающих участие в работе Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций или ее вспомогательных органов.

Шведская делегация выражает серьезную озабоченность в связи с тем, что по истечении стольких лет нам все еще не удается урегулировать вопрос о расширении членского состава Конференции. Нам уже давно пора принять конкретное решение. Моя делегация надеется, что уже в ближайшем будущем у нас сложится консенсус на этот счет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (перевод с английского): Благодарю представителя Швеции за его выступление и за теплые слова в адрес Председателя.

Сейчас я предоставляю слово представителю Мексики послу Марину Бошу.

Г-н Марин БОШ (Мексика) (перевод с испанского): Г-н Председатель, от имени делегации Мексики я выражаю Вам признательность за прекрасное руководство нашей работой в июле. Мы уверены в ее успешном завершении. Позвольте мне также выразить нашу признательность послу Освальдо де Риверо и остальным членам делегации Перу за ту работу, которую они проделали в июне.

История переговоров по химическому оружию - эта история самых продолжительных многосторонних переговоров по разоружению; Женевский протокол 1925 года, несмотря на его ограниченный характер, представляет собой первый документ, которым сообщество наций заявило о том, что оно отвергает это оружие. Однако, несмотря на усилия, предпринимавшиеся Конференцией по разоружению и предшествовавшими ей органами, международное сообщество и сегодня, спустя 65 лет, по-прежнему не имеет конвенции о полном запрещении химического оружия.

Не претендуя на исчерпывающую характеристику обсуждений по этой теме, хотелось бы напомнить о том, что в конце 60-х годов, чуть ли не сразу по завершении переговоров по Договору о нераспространении ядерного оружия, было признано, что проверка представляет собой одно из основных препятствий к заключению конвенции о полном запрещении химического и биологического оружия. Вместе с тем было предложено провести разграничение между химическим и биологическим оружием и приступить к переговорам по соглашению о запрещении лишь последнего. Представляя данное предложение (документ ENDC/231 от 16 августа 1968 года), представитель Соединенного Королевства г-н Маллей сказал следующее:

"Следует отметить, что наибольшая трудность, с которой мы столкнемся, связана с проверкой, так как договаривающиеся стороны любого соглашения о контроле над вооружениями или о разоружении, разумеется, хотят быть в максимальной степени уверенными в том, что другие стороны также выполняют обязательства, предусмотренные Договором. Этот принцип хорошо проиллюстрирован требованиями о гарантиях в Договоре о нераспространении ядерного оружия (ENDC/226, статья III). После продолжительного изучения данного вопроса мы вынуждены были прийти к выводу, что невозможно выработать никакой сопоставимой системы для микробиологического или химического оружия. Любая такая система будет настолько навязчивой, что окажется совершенно неприемлемой и тем не менее будет не вполне эффективной. Основная трудность связана с тем, что почти весь материал и оборудование, которые мы рассматриваем здесь, используются в законных мирных целях, и было бы неразумно запрещать работу, которая представляет реальную ценность для человечества, например для борьбы с заболеваниями; к тому же практически и невозможно контролировать каждую лабораторию в каждой стране. Поэтому нам нужно согласиться с невозможностью проверки в том смысле, в каком мы обычно употребляем этот термин на разоруженческих дискуссиях.

Таким образом, нам нужно сделать выбор - сопоставить опасность уклонения, если мы пойдем вперед по пути формулирования новых обязательств, с теми опасностями, которые будут угрожать миру в том случае, если мы воздержимся от каких-либо действий и позволим распространяться и усугубляться страхам в связи с вероятным применением

(Г-н Марин Бош, Мексика)

микробиологических средств ведения войны. Я решительно выступаю за то, чтобы идти вперед; мы не можем позволить себе ничего не делать. Не имея возможности предложить вполне эффективную систему проверки - а мы считаем, что такая задача непосильна для человеческого разума, - мы все же можем разработать такие соглашения, которые, с учетом неподатливости этой проблемы, дадут государствам уверенность в том, что они не будут подвергаться неприемлемому риску".

С самого начала это предложение вызвало серьезные возражения. В частности, было отмечено, что на практике это было бы равносильно откладыванию на неопределенный срок полного запрещения химического оружия. Однако спустя три года Совещание Комитета по разоружению завершило работу над проектом конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении. Через несколько месяцев эта Конвенция была одобрена Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций в ее резолюции 2826 (XXVI) от 16 декабря 1971 года.

Та оперативность, с какой были завершены переговоры по данной Конвенции, свидетельствует об одной очень простой истине: при наличии политической воли к достижению соглашения - независимо от тех причин, с которыми связан этот документ, - помешать этому не может даже, казалось бы, полная невозможность обеспечить проверку его соблюдения.

С другой стороны, как это ни прискорбно, сегодня, спустя более 20 лет после внесения предложения о раздельном рассмотрении вопросов, касающихся химического и биологического оружия, подтверждаются высказывавшиеся тогда опасения, что это было бы равнозначно откладыванию на неопределенный срок полного запрещения химического оружия.

Несмотря на изменения, внесенные в мандат Специального комитета по химическому оружию, несмотря на неустанные усилия его Председателя посла Хильтениуса и председателей трех рабочих групп по продвижению вперед переговоров как по техническим, так и по политическим аспектам проекта конвенции, у моей делегации сложилось впечатление, что мы теряем импульс или темп, сообщенный в первую очередь состоявшейся в январе 1989 года Парижской конференцией и усиленный рядом международных совещаний, на которых была подтверждена неотложность заключения конвенции о полном запрещении химического оружия.

Приближаясь к концу текущей сессии Конференции и в преддверии начала такой тягостной работы, как "переговоры" по докладу, который мы представляем Генеральной Ассамблее, стоило бы задуматься над тем, почему в вопросе, на рассмотрение которого уходит значительная часть нашей энергии, - о чем свидетельствуют выступления на пленарных заседаниях, огромное число рабочих документов и значительный объем конференционных услуг, выделяемых Специальному комитету по химическому оружию, - складывается впечатление, что мы еще больше отходим от нашей изначальной цели - заключения конвенции о всеобъемлющем запрещении химического оружия.

(Г-н Марин Бош, Мексика)

Несколько недель назад, на вашингтонской встрече в верхах, Соединенные Штаты и Советский Союз подписали соглашение об уничтожении и непроизводстве химического оружия и о мерах содействия многосторонней конвенции о запрещении такого оружия. Мы надеемся, что оно вскоре вступит в силу в целях реализации обязательства относительно прекращения производства химического оружия, а также в целях начала процесса его уничтожения.

Правительство Мексики заявило о том, что оно не обладает химическим оружием и не намерено приобретать его. Поэтому нам трудно примириться с тем, что основные обладатели химического оружия присваивают себе право сохранять определенную часть своих арсеналов и оставляют за собой право вето в вопросе об определении, через восемь лет после вступления конвенции в силу, является ли участие в многосторонней конвенции достаточным для перехода к полному уничтожению химического оружия. Если бы все наши страны придерживались аналогичного подхода, то вообще не было бы никаких разоруженческих договоров. Кроме того, нас удивила та быстрота, с какой комплекс односторонних условий, изложенных в примечании к документу, превратился в двустороннее понимание.

Хотя моя делегация приветствует тот факт, что в данном соглашении нашли отражение усилия, которые уже давно предпринимаются на многостороннем уровне, мы испытываем сожаление в связи с тем, что ссылки на переговоры в рамках Конференции по разоружению не согласуются с целью достижения всеобъемлющей, универсальной и недискриминационной конвенции. Двусторонние и многосторонние переговоры по разоружению должны взаимно облегчать и дополнять друг друга; прогресс на двустороннем уровне не должен использоваться для замедления или затруднения деятельности на многостороннем уровне.

Специальный комитет по химическому оружию начинает трудный процесс, пытаясь добиться прогресса в ходе своих дискуссий по так называемому "переходящему тексту", который, как мы надеемся, вскоре превратится в проект конвенции и который может быть представлен на принятие Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. А теперь нам хотелось бы поделиться некоторыми соображениями по вопросам, рассматриваемым на настоящей сессии.

Открытые консультации по вопросу "ненанесения ущерба безопасности" представляют собой форум, на котором идут откровенные обсуждения по важнейшим вопросам, связанным с разрабатываемым проектом конвенции. В ходе этих консультаций выявилась общая заинтересованность в заключении конвенции, которая получила бы универсальное признание, и была отмечена практическая неосуществимость таких концепций, как, например, концепция "государств, способных обладать химическим оружием".

В ходе нынешней сессии особое внимание уделялось вопросу проверки. Данный вопрос изучался как в рамках Рабочей группы А, так и в ходе консультаций Председателя Комитета по статье IX проекта конвенции. В этой связи мы считаем, что, хотя некоторые детали все еще требуют доработки, в "переходящем тексте" уже содержатся основные элементы надлежащего режима проверки.

В этом контексте инициативы, направленные на то, чтобы попытаться разработать идеальный режим проверки, можно было бы расценить как тактику проволочек или же как недостаток политической воли к завершению переговоров по проекту конвенции. Поэтому нас удивляет та настойчивость, с какой делегация Соединенного Королевства утверждает, что нам не следует искать легких путей, что нам не следует ориентироваться на пример Конвенции по биологическому оружию и что вопрос проверки имеет наивысший приоритет.

(Г-н Марин Бош, Мексика)

Разумеется, проверка представляет собой ключевой элемент соглашений по ограничению вооружений и разоружению, однако завершение переговоров по вопросу о полном запрещении химического оружия не должно ставиться в зависимость от бесконечного усовершенствования режима проверки. "Бесконечный" в данном случае означает "до греческих календ".

Контроль за соблюдением конвенции ограниченно связан с представлениями государств-участников о безопасности. Обстановка разрядки, большей открытости и транспарентности уже накладывает свой позитивный отпечаток на наши обсуждения, о чем свидетельствует все более широкое принятие концепции "инспекций по запросу". Моя делегация рассчитывает на то, что смелая инициатива Председателя Специального комитета представить предложение по статье IX в целом позволит нам продвинуть вперед свои обсуждения по данному вопросу. Мы также рассчитываем на то, что консультации посла Гарсиа Моритана по статье X, касающейся помощи и защиты от химического оружия, позволят нам не в столь уж отдаленном будущем перенести ее текст в добавление I. С другой стороны, мы испытываем сожаление в связи с тем, что на этой сессии не прошло никаких дискуссий по статье XI, касающейся экономического и технического сотрудничества в области мирной химической деятельности.

Комитет вновь раскрыл свои двери для представителей химической промышленности в целях обмена мнениями как по содержанию проекта конвенции, так и по последствиям ее будущего применения для деятельности химической промышленности в гражданских целях. Откровенный диалог, отличавший заседания Комитета, и Декларация промышленного форума, принятая по проблематике Конференции представителей правительств и промышленности против химического оружия, состоявшейся в Канберре в сентябре прошлого года, свидетельствуют о том, что химическая промышленность широко поддерживает завершение наших переговоров.

По мере возможности, на переговорах в рамках Конференции по разоружению будет и впредь уделяться внимание заботам представителей промышленности, однако не следует забывать, что основная цель конвенции о запрещении химического оружия заключается в укреплении безопасности государств, а не в защите промышленных интересов. Во всяком случае следует также иметь в виду, что профсоюзные объединения химической промышленности начали проявлять интерес к нашим переговорам, и мы считаем, что Комитету следовало бы изучить их замечания по нашему проекту конвенции.

Через несколько дней Комитет завершит свою работу, с тем чтобы секретариат мог приступить к подготовке доклада, который мы включим в свой доклад Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций. Моя делегация опасается, что данный доклад не будет надлежащим образом отвечать надеждам, выраженным в резолюциях 44/115 A и B и 44/119 D.

У нас порой складывалось впечатление, что единственным пунктом нашей повестки дня является вопрос о химическом оружии. В сущности, он является ближайшей задачей, имеющей отношение к убедительности работы Конференции по разоружению как многостороннего форума переговоров по соглашениям в области разоружения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (перевод с английского): Благодарю представителя Мексики за его выступление и за теплые слова в адрес Председателя.

Сейчас я предоставляю слово представителю Аргентины послу Гарсиа Моритану.

Г-н ГАРСИА МОРИТАН (Аргентина) (перевод с английского): Позвольте мне, г-н Председатель, выразить Вам удовлетворение моей делегации в связи с Вашим руководством нашей работой. Вы вновь продемонстрировали те же самые дипломатические дарования, что и в период Вашего пребывания на посту Председателя Специального комитета по химическому оружию. Как всегда, Вы можете рассчитывать на сотрудничество моей делегации.

В ходе первой части сессии 1990 года аргентинская делегация посвятила свое выступление на пленарном заседании пункту 5 повестки дня, а именно "Предотвращению гонки вооружений в космическом пространстве".

Тогда мы поделились с присутствующими здесь делегациями кое-какими соображениями и отметили, что в сложившихся условиях эволюция международной обстановки и динамика самой Конференции ясно свидетельствуют о наличии бесспорных возможностей для использования мер укрепления доверия в качестве многостороннего средства создания атмосферы сотрудничества в области освоения и использования космического пространства, а возможно, и в качестве эффективного инструмента сдерживания или, по крайней мере, снижения вероятности выхода гонки вооружений в космос.

Проводя параллель с разворачивающимся в Вене успешным переговорным процессом в европейском региональном контексте, мы позволили себе указать на возможность совместного формирования режима, который мы окрестили "жельсинкско-стокгольмским процессом" космического пространства, как бы отсылая к столицам, давшим свои названия двум документам по мерам укрепления доверия, которые в каком-то смысле являют собой некий прообраз той транспарентности, которая, на наш взгляд, возможна на многостороннем уровне.

После этого выступления встреча на высшем уровне, состоявшаяся в прошлом месяце в Вашингтоне, и встречи Варшавского Договора и НАТО укрепили нашу уверенность в том, что путь транспарентности и взаимного доверия может и должен быть использован в максимально возможной мере.

Что касается космического пространства, то здесь это может происходить в различных формах. На рассмотрении Специального комитета, который проводит свою работу под эффективным и целеустремленным председательством Канады, находится ряд конкретных предложений, направленных на достижение этой цели. Помимо своих специфических достоинств, все они отличаются одинаковым подходом к данному пункту повестки дня, будь то предложение о создании кодекса поведения в области космической деятельности, о создании центра траектографии или об укреплении некоторых существующих документов в рамках нынешнего правового режима.

В этой связи моя делегация хотела бы сейчас несколько подробнее остановиться на предложении, которое уже представлено ею на Специальном комитете и которое, в сущности, продолжает традицию выдвижения предложений по одному и тому же вопросу, а именно относительно возможности укрепления режима, установленного Конвенцией о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство, 1975 года. В этой связи мы распространим документ CD/1015, который будет распространен и в качестве рабочего документа Специального комитета.

(Г-н Гарсиа Моритан, Аргентина)

Как известно, Конвенция о регистрации была продиктована необходимостью более точной и конкретной реализации тех положений, которые в очень общем виде уже присутствуют в Договоре по космосу 1967 года. В практическом плане она также дополнила положения Конвенции о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами, 1972 года.

Короче говоря, речь идет о документе, который, хотя его и нельзя назвать имеющим прямое отношение к разоружению или к ограничению вооружений, бесспорно, входит в состав свода космического права. Начиная с принятия Генеральной Ассамблеей резолюций 1721 А (XVI), 1884 (XVIII) и 1962 (XVIII) этот свод права отличается внутренней согласованностью и взаимосвязью с точки зрения его целей, в числе которых видное место занимает использование космического пространства на благо и в интересах международного сообщества.

Таким образом, способствуя получению конкретной информации о характере и функциях объектов, запускаемых в космическое пространство, Конвенция о регистрации служит фактической и незаменимой базой данных для любых последующих шагов, направленных на укрепление доверия в области использования космического пространства.

В этом смысле отрицать бесспорный авторитет Конвенции о регистрации как меры безопасности, на мой взгляд, значило бы просто-напросто игнорировать характер этого документа или, что еще хуже, уклоняться, будучи государством-участником, от выполнения ее положений.

Конвенция была разработана исходя из признаваемого нами сегодня правомерным тезиса о том, что полная осведомленность о присутствии объектов в космическом пространстве привела бы к созданию необходимых предпосылок для мирного, гармоничного и рационального использования этой среды. Тогда считалось, что ограниченного числа односторонних обязательств по предоставлению информации было бы достаточно для практической реализации этой идеи.

В статье IV Конвенции о регистрации устанавливается критерий на основе пяти элементов информации: название запускающего государства; обозначение или регистрационный номер космического объекта; дата и место запуска; основные параметры орбиты (период обращения, наклонение, апогей и перигей); общее назначение космического объекта. Было также предусмотрено, что вся эта информация должна представляться "в ближайший практически осуществимый срок".

Таким образом, Конвенция обеспечивает основные технические рамки. Сам документ является бесспорным достижением, поскольку тогда международному сообществу не доставало систематизированного свода информации по этому вопросу. Таким образом были определены зачатки правовой структуры или, по меньшей мере, институционализированные рамки для ее создания.

Практические результаты, однако, оказались далеки даже от самых скромных ожиданий. Поступавшая информация, которая представлялась в результате применения положений Конвенции, оказалась скудной, неполной и несвоевременной; при этом ее представление полностью зависело от воли государства, которое должно было делать это; не было никакой возможности побудить государства - участники режима регистрации к более полному соблюдению положений этого соглашения.

(Г-н Гарсиа Моритан, Аргентина)

В результате этого сложилась абсурдная ситуация, когда на протяжении многих лет не было сообщено ни об одном военном полете, хотя сегодня вполне признано, что большая часть деятельности в космическом пространстве прямо или косвенно связана с операциями военного характера.

Принятие минималистской формулировки и прямое санкционирование в тексте Конвенции чуть ли не абсолютного дискреционного права посредством формулы "в ближайший практически осуществимый срок" по сути дела выхолостило этот документ, который все же таит в себе колоссальный потенциал.

Если говорить конкретно, то укрепление этого режима должно осуществляться по двум направлениям: во-первых, с точки зрения объема информации и, во-вторых, с точки зрения ее своевременности.

Что касается объема, то хотелось бы сослаться на пункт 1 е) статьи IV. Мы считаем, что государства должны представлять более конкретную информацию, чем информация об "общем назначении" космического объекта, поскольку этот критерий теоретически позволяет классифицировать военный разведывательный спутник, как, например, спутник связи.

Вполне очевидно, что более точный регистр представлял бы большую пользу в качестве, например, основы для последующей разработки режимов защиты спутников, используемых в гражданских или даже в отдельных военных целях, учитывая его стабилизирующую роль.

Следует подчеркнуть, что более подробное описание никоим образом не затрагивает конфиденциального характера полета или его эффективности, если дается адекватное определение по вопросу о том, какие критерии обеспечивают полное и удовлетворительное общее описание функций космического объекта.

Что касается других видов дополнительной информации, то мы считаем, что определение общих критериев могло бы быть поручено группе правительственных экспертов под эгидой Конференции и в рамках ее Специального комитета.

Что касается своевременности представления информации, то вполне очевидно, что существующие формулировки Конвенции дают возможность представлять информацию поздно, а то и никогда, причем последнее даже более вероятно.

Для того чтобы сделать Конвенцию полезной и действенной, необходимо политическое решение, надлежащим образом подкрепленное в научном и техническом плане, которое определяло бы приемлемые сроки. Это не означает, что информация должна представляться до запуска. Сроки представления уведомления и объем информации должны определяться в каждом конкретном случае в зависимости от характера и функций запускаемого объекта.

Таким образом, моя делегация считает, что укрепление Конвенции о регистрации не только позволит лучше увязать этот документ с его изначальными целями, но и сделает его важным дополнительным элементом укрепления доверия и транспарентности в области использования космического пространства в мирных целях.

(Г-н Гарсиа Моритан, Аргентина)

Кроме того, это имело бы позитивные последствия и в плане дополнения других предложений, представленных Конференции, например предложения о кодексе поведения применительно к космической деятельности, что требует в качестве предпосылки надежного и систематического наблюдения за объектами, запускаемыми в космическое пространство.

На прошлой неделе Конференция имела отрядную возможность принимать посла Бэрта и посла Назаркина, которые представили подробный текущий и перспективный анализ переговоров по ядерным и космическим проблемам, которые проводятся Соединенными Штатами и Советским Союзом.

По вопросу обороны и космического пространства мы вновь получили подтверждение того, что, к сожалению, в этой области по-прежнему сохраняются значительные расхождения и какого-либо соглашения пока не просматривается. Тем не менее, как ясно вытекает из полученной информация, по-видимому, единственной областью в контексте переговоров по вопросам обороны и космоса, где достигнут некоторый прогресс, является разработка "Протокола о мерах предсказуемости", который будет включать обмен информацией, инспектирование лабораторий и т.д.

Меры, предлагаемые делегацией Соединенных Штатов, охватывают деятельность, связанную с космической программой этой страны, которая может вызвать озабоченность или недоверие со стороны Советского Союза.

Мы считаем, что если на двустороннем уровне будет достигнут действительный прогресс по таким инициативам, как вышеуказанные, то ничто уже не будет стоять на пути укрепления на многостороннем уровне такого документа, как Конвенция о регистрации, которая, несомненно, дополняет критерий и указанные цели такой меры, как та, что была предложена Соединенными Штатами на своих двусторонних переговорах с Советским Союзом.

Если, как мы считаем, критерий является одним и тем же и если цели совпадают, то имеются все условия для того, чтобы приступить к принятию некоторых конкретных мер.

И наше предложение призвано стать не чем иным как шагом вперед.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (перевод с английского): Благодарю представителя Аргентины за его выступление и за теплые слова в адрес Председателя.

На этом мой список ораторов на сегодня исчерпан. Я хотел бы спросить, желает ли еще какая-либо делегация взять слово на данном этапе. Похоже, таковых нет.

Я попросил секретариат распространить сегодня расписание заседаний Конференции и ее вспомогательных органов на предстоящую неделю. Как обычно, это расписание стало предметом консультаций с председателями вспомогательных органов. Оно носит сугубо ориентировочный характер и в случае необходимости подвергается изменениям. Если нет возражений, я буду считать, что Конференция принимает это расписание.

(Председатель)

Расписание принимается.

Других вопросов на сегодня у меня нет, и теперь я намерен закрыть наше пленарное заседание. Следующее пленарное заседание Конференции по разоружению будет проходить во вторник, 24 июля, в 10 час. 00 мин. Пленарное заседание закрывается.

Заседание закрывается в 11 час. 00 мин.